

23 ЯНВ 1970

В ЦЕНТРЕ Алапаевска есть старинный металлургический завод, а напротив, через речку — желтый каменный дом с мезонином. В нем жил в детстве Чайковский. Всего два года но вычеркнули их из биографии композитора, не будь их, и, как знать, быть может, не узнали бы мы никогда ни «Детского альбома», ни «Времен года». По крайней мере, каких-то страниц из этих вещей мы не успевали бы — подумать только...

А теперь представьте себе: Петербург. Мать привезла Петю из Алапаевска и оставляет здесь учиться, а сама возвращается на Урал, к мужу, управляющему горными заводами. Петя поехал вместе с ней до Средней Рогатки, куда, как вспоминает младший брат Чайковского, по обычаю тех времен ездили провожать отбывших из Петербурга по Московскому дороге...

Пока ехали туда, Петя поплакивал, но конец путешествия казался отдаленным и, ценив каждую секунду возможности смотреть на мать, он казался сравнительно спокойным. С приезда же к месту разлуки он потерял всякое самообладание. Он ничего не слышал, не видел и как бы слился с матерью. Пришлось прибегнуть к насилию, и бедного ребенка должны были отрывать от Александры Андреевны. Лошади тронули, и тогда, собрав последние силы, мальчик вырвался и бросился с криком отчаяния бежать за тарантасом, стараясь схватиться за подножку, за крыльях, за что попало, в тщетной надежде остановить его...

До самой смерти... он не мог примириться, никогда не мог забыть жгучего чувства обиды, которое испытывал, когда бежал за экипажем, отрывающим у него мать.

Тоскуя, мальчик пишет из Петербурга в Алапаевск одно письмо за другим...

«Ах! Я очень бы желал видеть те радости когда Вы приехали в Алапаиху».

«Милые папаши и мамаша! Вы конечно получите мое письмо на рождественских праздниках... Теперь же я представляю себе, как вы готовите елку...»

«Милая сестрица! Посмотрите, пожалуйста, как растет тот плющ, который я посадил когда уезжал».

«Ах, я очень помню, как прошлый раз я был в Ирбите с папашей и очень веселился. Мы были в кабинете восковых фигур и в выставке стеклянных вещей».

«В среду 25 апреля я праздновал мое рождение и очень плакал, вспоминая счастливое время, которое я проводил прошлый год в Алапаихе».

«Недавно я играл в училище на рояле. Я начал играть «Солвья» и вдруг вспомнил, как играл эту пьесу раньше. Ужасная грусть овладела мною: то я вспоминал, как играл ее в Алапаихе вечером и вы, милая мамаша, слушали... Целую ваши ручки столько раз, сколько капель в море».

● Далекое — близкое

ЗИМНИЙ МОТИВ

«Вот уже начинается весна. Невзаскорозойдется, по ней уже запрещено ездить. Когда вы получите мое письмо, то прекрасная ваша Нейна, которая отличается от нашей реки только одной буквой И, верно, разоидется...».

Минули годы... Было все — и море музыки, которой Чайковский отдал всего себя, и восторги почитателей, и путешествия за границу, и горькие разочарования в друзьях, и потери близких, и любовь, глубокая сердечная рана.

Что же осталось? Неужели одни только воспоминания — отрывки домашних разговоров, кружок дорогих лиц, болезнь любимой куклы, нянины сказки, сладкие грезы музыки, и, наконец, мама, первой усидившая его за фортепьяно, ее красивые руки, ласковый взгляд.

«Я нашел вчера у фэстры громадные связки моих писем к отцу и матери, писанных когда-то из Петербурга, когда мне было 10 и 11 лет и я очутился совершенно одиноким в большом, чуждом городе. Трудно передать, какое волнующее впечатление произвело на меня чтение этих писем, перенесших меня почти за 30 лет, напомнивших мне живо мои детские страдания от тоски по матери, которую я любил какой-то болезненно страстной любовью. Уж 25 лет прошло со дня ее смерти!.. Результатом этого чтения была совершенно бессонная ночь».

Можно представить, как, закончив это письмо своему давнему другу, Чайковский подошел к высокому окну, выходящему в сад, так похожий на Алапаевский: на дворе стоял октябрь, и неслышно планировали красные и желтые листья. Сад прощался с летом, с теплом, но ведь на несколько месяцев, а там все вернется на круги своя — снова расцветут яблони и так же засияет солнце. Все будет по-прежнему в этом старом саду, и только насчет себя человек, стоящий у окна, уже не смеет загадывать: слишком много, не прожито даже, не пережито.

...И вот — другое время. В сад пришла зима. И падает снег на крышу уже знакомого нам каменного стародавнего особняка с мезонином, где жил когда-то маленький Чайковский. Здесь теперь детская музыкальная школа. И стайки звуков то и дело вылетают из открытых форточек: обрывки мелодий, гаммы словно аккомпанируют снегопаду.

Г. ШЕВАРОВ.